

Интертекстуальные аспекты романа Леонида Зорина «Сансара»

Волкова Виктория Борисовна

молодой ученый

Магнитогорский государственный технический университет

им. Г.И. Носова,

факультет экономики и права, г. Магнитогорск, Россия

email: VBL2004@bk.ru

Интертекстуальность в мировой литературе в целом и русской в частности на рубеже XX–XXI вв. воспринимается как явление вполне привычное. Берущий начало в постмодернистических течениях, интертекст стал неотъемлемой составляющей современной литературы вообще [Батулина: 73]. С этой точки зрения одним из показательных произведений является роман Леонида Зорина «Сансара», номинировавшийся на премию Аполлона Григорьева в 2004 г.

Соотношение временных и пространственных пластов в романе построено по принципу «дежа вю». События разворачиваются одновременно в веке XIX, можно предположить, около 1883 г., и на нынешнем рубеже тысячелетий, около 2003 г. Два героя в центре повествования, один из которых воспет А.С. Пушкиным, его лицейский приятель, а позднее дипломат, государственный канцлер князь А.М. Горчаков, а другой – историк, уроженец провинциального города Ц., человек, остро чувствующий свою ненужность, бессмысленность жизненного пути, А.М. Горбунов.

Текст романа изобилует интертекстемами, начиная с прямой цитации и заканчивая реминисценциями и аллюзиями. Зорин «обыгрывает» цитаты из пушкинских и тючевских произведений, делая их наглядными, имманентно присущими сознанию героев. Цитаты меняют статус: они не подтверждают изначальный тезис, не иллюстрируют его, а сами выступают в роли некой мыслительной субстанции.

Положенный в основу романа концепт сансары выполняет функцию интертекстемы, соединяя различные культурно-исторические пласты. Имплицитное ощущение связи времён испытывают и князь Горчаков, и Горбунов. В качестве императива выступает сама логика истории, которая, подобно колесу сансары, сплетает судьбы разных людей в единое целое, позволяет ощущать не абстрактно, а конкретно связь времён, отыскивать себя в прошлом и верить в возможность существования самого себя, пусть и в другой ипостаси, в будущем.

Название романа «Сансара» выступает и в роли паратекста, интерпретируемого в сюжетном контексте героями произведения. Заимствованное из индуистской традиции понятие сансары осмысливается как бесконечная цепь перерождений, в основе которых страдания человека. Этот концепт осмысливается Горчаковым философски: с одной стороны, «счастливица с первых дней» пугает мысль о том, что его путь пройден, что «богатства, громких дней, крестов, алмазных звёзд, честей» у него, вероятно, может уже и не быть, что любимых людей он в другой жизни не встретит и не узнает. С другой стороны, Горчаков чувствует, как давит его «екклезиастова печаль», он осознаёт суетность жизни и тщетность человеческих стремлений.

Горбунова, как и Горчакова, мысль о сансаре неприятно поражает: оба называют её обольщением. Но ощущение кровной связи со своим предшественником, возникшее в Царском Селе, заставляет Горбунова сделать вывод, что «прошлое за пределами жизни, за гранью отведенных... сроков» [Зорин: 36]. Паратекстуальная связь имён – Александра Михайловича Горчакова и Александра Минаевича Горбунова.

Типология межтекстовых отношений Ж. Женетта позволяет выделять в романе гипертекстуальные связи [Ильин: 104]. Они осуществляются на уровне сюжета «учитель Каплин – преемник Горбунов», и в качестве гипертекста выступает роман «Старая рукопись», написанный в 1980 г. самим Зориным. В романе «Сансара» автор скрывается под именем Ромина, бывшего корреспондента, а ныне писателя, изложившего учение Каплина в «Старой рукописи».

Жизнь Горбунова выступает в качестве своеобразной пародии на жизнь выдающегося учёного-историка И.М. Каплина. Словно потерявшийся во времени,

Горбунов не находит себе места в жизни, не использует талант, у него имеющийся. В этом признаётся самому себе герой, считая, что его «персональная цивилизация... была обречённой, как Атлантида»: «Пародия – основа литоты. Мы укорачиваемся, дружок!» [Зорин: 45].

Развивая теорию Каплина о цивилизационной литоте, Горбунов приходит к выводу об инволюции, которая служит гарантией спасения цивилизации в целом или личности в частности: «Меня гнетет непонятное знание. Возможно, это прошлая жизнь, которую я некогда жил. Я не могу ее различить. Я знаю: была она необычной, вместившей в себя, как Пушкин сказал, «судьбу человеческую и народную». Пусть нынешняя лишь эхо былой – в ней есть и судьба моего отечества. Любой человек – цивилизация» [Зорин: 45]. Это суждения человека, уходящего из жизни в пятьдесят лет, избегающего всякой однозначности и категоричности и при этом верящим в свою новую миссию в следующей жизни.

Финал романа сводит воедино поливалентные интертекстемы: в преимственности показаны князь Горчаков, прославленный Пушкиным, выполнивший свою историческую миссию, использовавший свой потенциал; Горбунов, творчески мыслящий, следующий своему нравственному императиву, но склонный к созерцанию, а не к действию, словно находящийся в состоянии отдыха после динамичной прошлой жизни; и некто «крохотный, ни с кем не схожий, необъяснимого происхождения, с узенькими острыми глазками на странном темно-кофейном личике».

Литература

Батулина А.В. К вопросу о типах интертекстуальных отношений: паремия и художественный текст // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе. Сб. докл. Магнитогорск, 2003. С. 72–76.

Зорин Л.Г. Сансара // Знамя. 2004. № 10. С. 5–46.

Ильин И.П. Постмодернизм: Словарь терминов. М., 2001.